

Глава первая

Он вышел внезапно с рю Фердинанд Дюваль, как будто поджидал меня и вот дождался. На нем был зеленый спортивный костюм, и под согнутой в локте правой рукой — сверток. Он шел с хорошей скоростью прямо на меня. Я подался влево на добрый метр или больше и тоже прибавил скорость, чтобы миновать плетущуюся впереди меня старую парижскую даму. Достойную старушку в черном.

Гад совершил невысказанный эллиптический вираж, как снаряд, снабженный ищущей тепло головкой, и саданул меня локтем в ребро, довольно больно. Я оторопел от сознательного нападения, но успел схватить его за руку и задержать.

— Эй, мэнь! — сказал я по-английски, французские слова не пришли в голову. — Ты что делаешь, ты что, не видишь меня?

— А ты что, не видишь МЕНЯ?! — закричал он на ломаном английском, упирая на меня, как будто был известен всему миру.

Черты бледно-оливкового лица задергались, затряслись, почти заплакали. Он был на голову выше, и его красивое, невысказанно напряженное лицо я видел снизу. Ноздри его дрожали. Еще мгновение — и случится истерика, драка, бой. Выгибаясь вперед, он уже сучил перед собой руками, подергивал ими в боевой тряске.

— Мать твою... дурака, — пробормотал я по-русски, взвесив положение (уже стали собираться зеваки на рю де Розье), и начал поворачиваться, чтобы уйти.

Рука внезапно выдвинулась, как бы в пробной вылазке по направлению к моему лицу. Так пытаются подозвать собаку или, плюнув на пальцы, пробуют, достаточно ли

раскален утюг. Я резко отклонил голову, отчего легкие мои очки со стеклами из пластика соскользнули с носа, и мне пришлось поймать их на лету, чтобы опять прилепнуть к носу.

У него на лице даже не отразилось радости по поводу его маленькой победы и моего унижения. Оно все так же находилось на грани плача.

— Мудак! — сказал я, покачал головой и пошел туда, куда направлялся, — на почту, в руке у меня были письма.

Разочарованные зеваки тоже пошли по своим делам.

«Хуй его знает, — думал я. — Может, он араб и американцы убили у него, скажем, маму. Стреляли из орудий крейсера “Нью-Джерси” и убили в горах Ливана... Или, может быть, он еврей и русские убили у него маму в Афганистане? (Неважно, каким образом еврейская мама могла оказаться в Афганистане. Предположим...) Да, но при чем тут я, мирно идущий в бушлате, с якорями на пуговицах, на почту? Коротко остриженный, может быть, я показался ему американцем? Тем более я обратился к безумцу по-английски».

На почте я хмуро сдал письма и пошел, прижимаясь к старым стенам Марэ, на Пляс де Вож, продолжая мрачно размышлять.

«Такое впечатление, что безумец дожидался меня на рю Фердинанд Дюваль. Может быть, его послали задрать меня и спровоцировать? Но кто послал? Может быть, СИА послало?»

— Кому ты на хуй нужен, Эдвард! — ответил я сам себе. — Чтобы посылали людей тебя спровоцировать, следует заслужить. И даже, если бы послали... Таких, как он, не посылают... с плачущими лицами. Послали бы спокойного громилу, который бы отделал тебя с улыбочкой на лице...

Завершив беспокойную прогулку и возвращаясь ше муа*, я внезапно подумал: «А не любовник ли это был

* К себе (франц.). — Здесь и далее примечания автора.

моей герлфренд Наташки?» Она ведь упоминала в дневнике о «мальчике с плачущим лицом», с которым познакомилась в кафе. Не знаю, спала ли Наташка с ним, но они встречались по меньшей мере несколько раз, и он знает, где мы живем, с месяц назад я обнаружил в почтовом ящике открытку, адресованную ей и не присланную по почте. Открытку я ей отдал, хотя и заметил, что следует вести любовные дела вне дома, и напомнил ей английскую поговорку «Мой дом — моя крепость».

— Мне неприятно, Наташа, что влюбленный в тебя молодой человек бродит поблизости. Иной молодой человек к тому же может спокойненько взять однажды вечером винтовку или топор и прийти нас навестить, — сказал я.

Она зафыркала, а я закончил свою речь тем, что сообщил ей опять, что людям доверять нельзя и в мире полно уродов. Наташка еще раз презрительно фыркнула.

Если бы меня толкали на улицах всякий день, я, может быть, не обратил бы на это происшествие никакого внимания. Но я не принадлежу к типу людей, которых хочется обидеть. Шесть лет без проблем пересекал я ночной Нью-Йорк в любых направлениях. И в Париже в первый раз встретился с направленной на меня лично злобой.

— Нужно было все же попытаться избить его. Была бы спокойна моя мужская гордость. Я же поступил как воспитанный человек. Придется ходить теперь с униженным мужским достоинством. С другой стороны, у «плачущего» мог оказаться в кармане нож, и сейчас бы я не шел ше муа, а лежал бы, умирая, на сочленении улиц де Розье и Фердинанд Дюваль и наблюдал бы, как вверху тревожно движутся грязные облака. Нет, хотя я сейчас себя хуево чувствую, я поступил разумно... Вот Джек Абботт, другой подопечный Эрролла Макдональда (Эрролл — мой и Абботта редактор в нью-йоркском издательстве «Рэндом Хауз»), в подобной стычке с нервным мальчиком поступил нецивилизованно,

но по-мужски — перерезал артерию на красивой шее официанта. Мне следовало иметь в кармане бритву и перерезать артерию наглецу, сбившему с меня очки. Мне стыдно перед собой. Эрроллу, узнай он о случившемся, будет стыдно за меня. Бритву в кармане пиджака я перестал носить в 22 года. Зря, пожалуй, я перестал носить бритву. Джек Абботт звонит Эрроллу в издательство из тюрьмы «коллект». Вот и я бы звонил. Хорошенькие, однако, у Эрролла собрались писатели...

Я рассказал Наташке о столкновении с плачущим лицом, продолженным оливковым телом весом килограммов в восемьдесят, употребив выражение, которое использовала она, описывая своего поклонника, — «юноша с плачущим лицом». Информация была обнаружена мною в секретном дневничке, запирающемся на замок. Я рассказал, глядя ей в лицо. На лице ничто не отразилось. Она по-своему, по-Наташкиному, хитрая, и даже в двух своих дневничках — явном, без замка, и тайном — не пишет всего, что с ней происходит. Вполне, однако, могло быть, что неудачливый поклонник с плачущим лицом решил отомстить мне — хозяину Наташки и, зная, где мы живем, дождался меня и... столкнулся. Из русской женщины Наташи — певицы кабаре — хуй что выжмешь, если она не хочет, чтоб выжали, посему я не стал на нее нажимать, оставил тему. Только что вставшая, был четвертый час дня, Наташка, натянув подаренную мной рубашу до пят, по рубаше густо напечатаны тексты спортивных газет, села пить кофе за скрипучий стол в зале, позевывая.

Она пьет кофе и курит сигарету за сигаретой, задумчиво отставив руку с тлеющим цилиндриком себе в голову или в плечо. При мне она таким образом прожгла две блузки. Еще она жжет себе волосы.

Наташке двадцать четыре. Мне сорок. Она живет со мною год.

— Проспала весь день! Темнеет. Какой ужас! — гудит Наташка. У нее очень низкий голос.

— Что ты хочешь, декабрь, — замечаю я. — Там есть еще кофе в кофейнике?

— Кажется, есть.

Дым застилает ее лицо. Так много курил только майор милиции Шепотько, четверть века тому назад. Сосед по квартире. Я бросил курить. Заметив мою гримасу, Наташка машет рукою — разгоняет дым. Она нуждается в добром целом часе, чтобы отойти от своих ночных кошмаров, не менее густых, чем этот дым. Во сне она скрипит зубами, смеется, вдруг вскрикивает: «Так я тебе и рассказала!» — и скрипит зубами опять. Может, она шпионка?

Кофе в кофейнике нет. Кофейник у нас маленький. Из него выходит чашка очень крепкого эспрессо, и только. Эспрессо душераздирающе-крепкий, как Наташка.

— Ты пришла вчера в полпятого. — Я высовываюсь к ней из щели, служащей нам кухней. Вход в щель прикрывает американский флаг.

— В четыре, — зевает она.

Наш рутинный спор. О времени, в какое она является домой. Нормальным считается три часа утра. Вообще-то ночной клуб на Елисейских Полях, в котором поет моя любимая, закрывается только тогда, когда уходит последний клиент. Я обычно жду любимую до трех, читаю французские книги. Если в три она не является, я ложусь спать. Довольно часто любимая возвращается нетрезвой.

— В половине пятого, — повторяю я, выковыривая из кофейника еще горячую жижу. — И даже, может быть, без четверти.

— Откуда ты можешь знать, Лимонов? Ты спал, когда я пришла.

— Я вставал в туалет в начале пятого. И потом еще некоторое время лежал, не мог заснуть.

— Хорошо, в полпятого. Почему ты меня не разбудил хотя бы в час дня? Весь день потерян. Четвертый час...

Ужас... Хотя тебе, конечно, удобно, что я сплю. Не мешаюсь у тебя под ногами. Ты можешь спокойно писать, слушать радио, заниматься гимнастикой... Ты, наверное, был бы счастлив, если бы я спала двенадцать часов в сутки?

— Ты и так спишь двенадцать, Наташка.

— Потому что ты меня не будишь, Лимо-о-о-о-нов! — вдруг гудит она и потягивается. Утренний рык зверя. Кофе начинает действовать. Скоро Наташка будет готова к жизни.

В районе получаса она умоется, сделает себе еще кофе и переберется в спальню, где у окна стоит стол с ее пишущей машинкой. Уже несколько месяцев то истерично быстро, то лениво Наташка пишет роман о своей жизни. Вокруг пишущей машинки в беспорядке плавают многочисленные предметы, принадлежащие Наташке. Ее сигареты, закладки, спички, пепел, бижутерия, тексты на целых листах и клочках бумаги, фотографии, сделанные примитивным, как примус, американским фотоаппаратом (она повсюду таскает аппарат с собой), расчески, щетки, баллон лака для волос, помада, тюбики и баночки с мейкапом. Наташка очень редко убирает свой стол. Под столом у нее валяется портфолио, она была в Лос-Анджелесе моделью.

Голос у Наташки даже не контральто, но альт. Глубокий, могучий и, как сообщил мне недавно по телефону человек, собирающийся сделать ее звездой, — «один такой во Франции». Голос изливается из большого яркого рта. Рот помещен на скуластой, немножко сбитой на одну сторону крупной физиономии русской девушки, увенчанной быстро отрастающей гривой волос, только что перекрашенных из русых в красные. Росту в русской девушке около 180 сантиметров, то есть подружка моя выше меня, а темперамент у подружки дикарский. Я живу с диким животным в квартире в Марэ, в двух комнатах плюс зал (он же прихожая и столовая) и две крошечные клетушки — ванная и китченетт.

Первый рык зверя

Писатель привез дикое животное из Лос-Анджелеса. То есть тогда писатель не подозревал, что оно дикое, иначе ни за что не позволил бы себе пригласить эту здоровенную русскую кошку с широкими плечами, грудью, тронутой шрамами ожогов, с длинными ногами в постоянных синяках в свое монашеское обиталище. Увы, писатель открыл, что зверь дикий, а не домашний, слишком поздно.

Когда дикое животное подошло к столу русского ресторана «Москва» на Голливуд-бульваре, оно вело себя прилично. Только что коротко остриженное во время очередной психической атаки (о существовании психических атак писатель, разумеется, тогда не подозревал) существо со стоящей дыбом на голове белой шерсткой, в коротенькой юбочке, с телом, на две третьих состоящим из нейлоновых ног, приветливо улыбалось и смущенно басило альтом. Существо, оказывается, знало и цитировало стихи писателя. Так как графин с водкой и лос-анджелесские цветы прикрывали часть лица читательницы, писатель попросил сидящего рядом приятеля — редактора местной эмигрантской газеты — поменяться местами с юной читательницей, и большая зверь сел рядом с ним. Ах, если бы писатель знал... Впрочем, все равно, наверное, пригласил бы зверя приблизиться.

Она тогда уже не пела в «Москве». Но, очевидно, желая произвести впечатление на писателя, показать ему, на что она способна, она вышла на помост к музыкантам, стала на фоне нарисованных на стене русских витязей (в палехско-лос-анджелесском варианте) и спела одну за другой три песни. Спела с таким бешеным темпераментом, с таким ревом и урчанием дикого зверя, что писатель выпил еще водки. Даже его, скептического европейца, отвыкшего от диких песен соотечественников, прошибло все же

ее громовое «Ой вы, кони залетны-йя!». Могучий рык про-
рвался сквозь заслон его нажитого в бурях жизни скепти-
цизма.

«У, баба! — подумал он с уважением. — Во дает! Вот
это градусы!»

— Старается! — появилась из-за цветов улыбающаяся
физиономия редактора газеты и подмигнула в сторону
зверя, рычащего с эстрады. — Для тебя. Наповал убить же-
лает.

Компания американцев за соседним столом энергично
заплодировала. Несколько мужчин поднялись с мест и не-
твердыми шагами отправились к артистке, поздравлять.
Артистка, хулигански выпятив в зал круп, прикрытый цвета
черри юбочкой в складках, вильнула задом несколько раз
и ловко уселась верхом на подставившего ей плечи саксо-
фониста. Саксофонист, тяжело поднявшись с колен, пробе-
жал с нею по кругу эстрады под вой и хохот зала, и наезд-
ница соскочила с жеребца, взмахнув нейлоновыми ногами.
«Уф!» — свалилась она на стул рядом с писателем.

— Здорово! — похвалил писатель. — Мощно! Какой
темперамент! Спасибо!

Он налил в чистую рюмку водки и протянул артистке.
Она еле заметно поморщилась, но взяла.

— Наташа любит коньяк «Хеннеси», — ухмыльнулся
редактор.

Значение этой ухмылки и коньяка «Хеннеси» в жизни
Наташки писателю пришлось узнать лишь много позже.
Тогда к ним вдруг подошел официант с бутылкой шампан-
ского.

— Наташа, это вам прислали от... — Официант хмуро
повел головой, показывая, от какого стола.

Взглянув на улыбающиеся физиономии четверых муж-
чин за указанным столом, певица помрачнела и, как пока-
залось писателю, смутилась.

— Отнеси обратно, — сказала она официанту.

Однако официант не уходил, продолжая стоять с бутылкой в руке.

— Примем, Наталья? — вмешался четвертый участник сцены, черноусый, бывший кинорежиссер. — Чего там. И товарищ писатель не возражает, правда ведь?

— Не возражаю, — подтвердил писатель, которому церемония была малопонятна. Может быть, шампанское прислал любовник Наташки; судя по проявившемуся только что на сцене темпераменту, их у нее должно было быть немало. Воспитанный самим собой в вольном стиле писатель не видел ничего предосудительного в том, чтобы выпить бокал шампанского, посланный любовником или поклонником певицы.

— Открывай! — приказала певица и заулыбалась...

Они уже допивали бутылку, когда от стола, приславшего им шампанское, отделился человек и подошел к певице.

— Что же ты, Наташа, не здороваешься даже? — Человек был облачен в серый, в полоску, костюм, воротник голубой рубашки был выпущен поверх воротника пиджака. Небольшого роста, но квадратное существо это было немедленно определено писателем как представитель местного полупреступного торгового мира. Может быть, владелец магазина колбасных изделий или владелец парикмахерской или бензоколонки. Евреи из советской провинции, грубые, как советская провинция, люди эти быстро сориентировались на влажной лос-анджелесской почве и жили здесь по таким же полублатным законам, по каким жили в своей Одессе или Жмеринке. В ресторане «Москва» у них был клуб.

— Ну, здравствуй... — Певица нехотя подняла глаза на колбасного джентльмена.

Физиономисту-писателю стало ясно, что она стесняется его животной грубости, его свисающего на ремень брюк живота. Тяжелым животом он, должно быть, ударял ее при

совокуплении. Шлеп! Шлеп! Писатель улыбнулся своим физиологическим мыслям.

— Не хочешь признавать? — хрипло сказал колбасный. — Все забыла...

— Ладно, — сказала она. — Видишь, я с компанией. Им это неинтересно.

— Я вижу, — укоризненно снизил он голос. — Между прочим, шампанское я вам прислал.

— Спасибо. Забери свое шампанское... — Она протянула ему бокал, который держала в руке.

Он отстранил руку и, зло повернувшись, протопал к своему столу.

— Кто это? — спросил писатель.

— Да так... Никто.

Она вздохнула, и лицо ее изобразило еще большее стеснение. Может быть, она в этот момент представила себе, как колбасный джентльмен подбивает ее белым волосатым мешком живота?

— Пойдемте отсюда, а? У вас какие планы?

Планов у них не было. Писатель был гость Лос-Анджелеса, и его следовало развлекать. Редактор и экс-кинорежиссер посмотрели на него, ища ответа.

— Выпьем еще, — предложил писатель.

— Пойдемте ко мне. Посмотрим «Найт портер» и выпьем. Я живу рядом. — Экс-кинорежиссер, веселый и наглый, жил один. У него была коллекция видеокассет и большой запас алкоголя.

Они встали. На протяжении двух десятков метров, отделяющих их стол от выхода, к певиче приблизились еще несколько мужчин такого же типа, что и колбасный, и успели предъявить ей какие-то требования, каковые она уже не смущенно, но твердо и грубо отклонила. Они вышли на Голливуд-бульвар и двинулись, она впереди, возвышаясь над сопровождающими ее мужчинами.

— Вы у них тут популярная личность, — съязвил писатель, когда они оказались рядом.

— Я пела в «Москве» больше двух лет, что вы хотите. Каждый мудака хочет показать, что он со мной знаком, — оправдалась она.

— Факинг бич! Оставь этих мужчин в покое! — крикнула им из-под фонаря черная проститутка.

Шпалерами девочки стояли почти под каждым фонарем в этом месте Голливудского бульвара.

— Это она мне. Думает, что я тоже проститутка, но чужая, со стороны, и отбиваю у нее клиентов. — Певица засмеялась.

Вопреки установившемуся мнению, что в Лос-Анджелесе нельзя шагу ступить без автомобиля, они добрались до квартиры экс-режиссера пешком. Сизый мягкий туман висел над Голливудским бульваром. Мимо проносились такси. Остановив одно из них, писатель мог легко умчаться от своей судьбы, но не умчался.

Она стеснялась писателя и боялась. Но почему-то само собой разумелось, что они должны быть вместе. Получалось, что Лос-Анджелес дарил писателю девушку, и ни он, ни девушка не могли отказаться. Был четвертый час ночи, и только русская не знающая границ чопорная вежливость удерживала компанию. Те двое хотели спать. Утомленный алкоголем и полупьяной беседой, попросил разрешения удалиться редактор газеты и, извинившись десяток раз, наконец удалился. Возможно, он считал, что следует развлекать друга-писателя несколько суток без перерыва на сон, кто знает. Уснул сползший на пол с дивана экс-кинорежиссер и теперь время от времени захрапывал с пола. Пара продолжала пить вино и, целомудренно переминая руками руки, не сводила глаз с экрана ТиВи. На экране цветные экс-эсэсовец и его еврейская экс-жертва умирали от голода, обложенные врагами в квартире. Наблюдая сцену лавмэйкинг на осколках

только что опустошенной последней банки варенья (кровь залила экран), писатель и Наташа нежно поглядели друг на друга. Нежно и недоверчиво, как бы прикидывая «А мы так можем?» — поглядели и поцеловались. Экс-режиссер, безучастный к крови и трагедиям любви, вульгарно всхрипнул. Они поцеловались на диване, а в фильме экс-эсэсовец с жертвой поцеловались сухими голодными губами и стали одеваться для последнего выхода. Он надел черную эсэсовскую униформу с красной повязкой со свастикой на рукаве и сапоги. Она — простое платьице, то самое, в котором она работала жертвой, и они вышли на утренние пустые совсем улицы и теперь шли по мосту. Рука Наташи сжала руку писателя. В фильме она держала эсэсовца под руку. Последовали выстрелы, и они упали на мосту, в последние секунды жизни все же соединившись руками. И застыли. По щекам Наташки лились слезы.

Растолкав экс-режиссера, писатель убедил его в необходимости переместиться в спальню. Режиссер ушел, бормоча, что они могут, если хотят, лечь в его кровать, а он... Он свалился в спальне на предложенное им ложе и тотчас уснул, не раздеваясь.

Повозившись, пара устроилась на узком диванчике очень неудобным образом, так что одна нога писателя, лежащего на боку, оказалась под крупом Наташки, другая — где-то в районе раздвоения ее ног. Наташкины ноги, высоко согнутые в коленях, возвышались над диваном и парой. Они погрузились в нежный, неудобный сон, как вновь обретшие друг друга брат и сестра. Он, во всяком случае, боялся пошевелиться. Она множество раз раскрывала глаза и глядела на него проверяюще: не смеется ли над ней писатель? Всякий раз глаза смягчались, недоверие исчезало, глаза мягко закрывались. Ни он, ни она не сделали ни единого движения в сторону секса. Почему-то было ясно, что секс все упростит и испортит, вульгаризирует, снизит. Несколько раз

у писателя произвольно, без его ведома, вдруг твердел член, но он не последовал туда, куда тянул его член, а именно между ног вдруг уставшей и слегка сопящей девушки, откуда тянуло горячим. Сказать, что писатель представлял женщину, переплетшуюся с его телом, как некоего ангела, «гения чистой красоты», девушку чистую и незапятнанную, было бы отвратительной ложью. Писатель, заметивший особое, «плотское», стеснение Наташки во время ее короткой беседы с животастым колбасником и проанализировавший лицо животастого в этот момент, скорее был склонен преувеличивать развратность певицы и думал о ней как о женщине легкодоступной. Но социальная репутация женщины никогда не останавливала его — в отличие от большинства мужчин — в его симпатиях и влюбленностях. Даже более того, ему исключительно всегда и нравились женщины с очень плохой репутацией. Вот он лежал с женщиной с дурной репутацией и думал: «А вот не буду тебя ебать! Ты ведь привыкла, что все хотят от тебя именно этого: Наташа, дай! А я вот не стану. Назло тебе или чтобы удивить тебя».

Он давно знал, что женщины бывают растеряны и уязвлены, если мужчина не домогается от них секса.

Позднее Наташка говорила ему:

— Первый раз в жизни я уснула тогда с незнакомым мужчиной — с тобой.

Ох, прожив на свете сорок лет, он, разумеется, не верил в женские «первые разы». «Первый раз в жизни я взяла в рот мужской член, твой член, дорогой!» Или: «Я никогда до этого не позволяла трахать себя в попку. Только тебе я доверила эту часть тела, дорогой!»

Почему они так слепо верят, что приятно быть первым. Писатель терпеть не мог девственниц. Не говоря уже о нежелании выполнять грязную работу дефлорирования, неумелость и часто полная бесчувственность девственниц, считал он, делают их неуклюжими и неинтересными партнершами.

Много возни — мало толку. Писатель предпочитал женщин, знающих член и любящих его.

И Наташке он не поверил. Complimentов в свой адрес он не любил, тем более что в данном случае комплимент звучал двусмысленно. Женщина уснула с тобой, что же ты за мужчина! Как бы там ни было, случилось, что первую ночь они провели на узком диванчике, прижавшись друг к другу, и если она спала, как она впоследствии утверждала, то он не спал ни минуты. Он думал о том, что если бы тогда Галка не сделала аборт, то у него был бы такого же возраста ребенок. Может быть, дочь. Ну на несколько лет младше. Глядя на ее ухо и губы, большие и яркие, он рассуждал: «Вот спит девочка. Каждому человеку нужен другой человек. Хоть один. Долго ты жил, серый волк, в одиночестве, насмехаясь над всеми и никого не любя. Может быть, пришло время взять в дом девчонку, чтобы спать с ней вместе?»

Утром им было весело. Скорее всего, таким образом влиял на них алкоголь, поглощенный ночью, и грустное отчаяние, навеянное фильмом «Найт портер». Они были истерически веселы. (А может быть, подсознательно они были рады, что встретились в океане жизни?) Похмелившись с экс-режиссером, они отправились в старом ее «мерседесе» в редакцию эмигрантской газеты и стали ждать, когда освободится редактор, чтобы отвезти их на свою холостяцкую квартиру. Гостеприимный редактор отдавал квартиру в распоряжение писателя. Коллектив эмигрантской газеты, состоявший из вполне милых людей разного роста и возраста, радушно приветствовал русского писателя. Невозможно было понять, впрочем, действительно ли они рады его видеть или к подобной радости их обязывает то обстоятельство, что редактор (он же и владелец газеты) благоволит к странному типу. Писатель, однако, воспринимал мир таким, каким видел его, и не искал открытых мотивов.

На двух машинах — Наташка с писателем на тронутом ржавчиной «мерседесе», редактор на ярко-красном «олдс-мобиле» величиной с парикмахерский салон — они прибыли на Детройт-стрит и осмотрели квартиру. Оказалось, писатель уже останавливался в ней пару лет назад. Выдав писателю ключи, извинившись по отдельности за протекающий кран с горячей водой в кухне и протекающий кран с холодной водой в ванной, редактор, похожий на Ал Пачино, удалился, оставив мужчину и женщину наедине. Отступить было некуда, нужно было идти в постель.

Каждый из них проделал это много тысяч раз, однако они стеснялись именно друг друга. Отлично натренированные, внешне они ничем не проявили своего смущения и проделали все операции как следует. Они раздели друг друга, целовались, гладили... но тела их как бы оказались закутанными в прозрачный пластик, и прикосновения не вызывали чувств. Странно неглубокий сексуальный акт их продолжался долго и ничем не кончился. Ни мужчина, ни женщина не получили оргазма. Скрипели пружины железной койки (складная, она хитроумно убиралась в кладовую комнату), раздавались нужные вздохи и стоны, но никто ничего не чувствовал.

Нужно было кого-то обвинить. Вначале писатель обвинил во всем себя. Однако, поразмыслив, снял с себя часть вины и назвал причиной простуду. Выскочив в октябрьский Нью-Йорк в летнем пиджачке без прокладки, он простудился и привез к Тихому океану кашель, боли в груди и температуру. Она? Если она и была виновата, то меньше, чем писатель, ибо самец, как известно, задает тон, ритм или, если хотите, температуру сексу. Уже от того, каким образом мужчина берется за женщину, зависит ее ответ. Наташка, без сомнения, стеснялась любимого поэта. За истекшие сутки выяснилось, что он — любимый поэт Наташки. Поняв, что она даже знает некоторые его стихотворения

наизусть, писатель приуныл. Это означало, что ему придется соперничать с его собственным, выдуманном ею образом. Биться с могущественной тенью.

Так как целью приезда писателя в Лос-Анджелес были не встречи с друзьями и опыты секса с русской девушкой Наташей, но чтение лекций в полдюжине университетов Калифорнии, следовало выполнять взятые на себя обязательства. И заработать деньги, которые он планировал заработать. Первый университет штата Калифорния, в котором ему предстояло разглагольствовать, был расположен в полутора часах от Лос-Анджелеса. Писатель потребовал, чтобы девушка поехала с ним. Может быть, он собирался восстановить свою мужскую честь в маленьком кампусе университета и без восстановления чести не хотел отпустить ее?

Тогда он еще не знал, что она может быть очень раздражительной. Теперь, вспоминая эти взгляды (время от времени Наташа обливала ими писателя как холодным душем), писатель ясно понимает, до какой степени ей тогда не хотелось сидеть за рулем подержанного «мерседеса». «И зачем я пустилась в эту авантюру? — может быть, думала она. — Теперь я должна работать шофером, возить его по Калифорнии».

Сама этого не сознавая, Наташка была избалована мужчинами и, хотя прекрасно водила автомобиль, предпочитала разваливаться на кресле рядом с шофером, доверив самцу перевозку своего драгоценного тела по сети лос-анджелесских дорог, обвивающих тело города таким же причудливым образом, как когда-то португепи обвивали корпус папы писателя — офицера Советской армии. Плюс Наташка боялась полиции. Несколько месяцев назад ее арестовали за вождение «мерседеса» в пьяном виде и отобрали права. (Приговоренная к принудительному посещению занятий организации «Алкоголик анонимус», она встретила в кулуарах этой организации множество представителей

голливудской киноиндустрии. Пьяные актеры и актрисы плотно населяли хайвеи этого района города.)

Они доехали наконец. Писатель прочел лекцию о самом себе, и университет заснял его лекцию на видеокассету. Впоследствии писателю пришлось увидеть себя, синелицевого, бодро разевающего рот за двести долларов. После лекции, по традиции университетов всего мира, состоялась парти в доме пригласившей писателя профессорши — главы департамента. Профессорша, гордящаяся дружбой с полдюжиной знаменитых русских писателей (равно эмигрировавших и советских), гордилась и своей прогрессивностью. Поскольку наш писатель был новой восходящей звездой литературы, мнения академической общественности департаментов славянских литератур Соединенных Штатов по его поводу разделились. Непрогрессивное, как всегда, большинство считало писателя порнографом, а прогрессивное меньшинство (и эта профессорша среди немногих!) считало его обновителем языка, новатором, как бы юным «клинингмен», пришедшим в запущенную комнату русской литературы, чтобы сорвать паутину в углах, открыть окна и впустить свет и несвежий уличный воздух.

Дом профессорши, двухэтажный, обросший пальмами и научно-фантастическими кустами алоэ, прохладный, сиял внутри полированным деревом лестниц и стен. Обширный, он мог бы быть выбран символом американской мечты: «Вот чего вы добьетесь, если будете хорошо работать и сидеть тихо». Беседуя с гостями, чокаясь бокалом шерри со множеством некрасивых девушек, дряхлых эмигрантов и карьеристов-аспирантов славянских департаментов, вступая в короткие споры и выбираясь из споров, писатель все время с удовлетворением ощупывал карман пиджака, в котором лежал чек на двести долларов.

Около полуночи гости разошлись. Несколько девушек ушли неохотно. Если бы писатель приехал один, лучшая свободная девушка на парти досталась бы ему. Такова

университетская традиция, столь же древняя, как традиция потребления шерри на академических парти. Обычно университетское население бывает недовольно и глухо ропщет, если писатель является читать лекцию в сопровождении жены или подруги. Неблагодарный, привезя с собой женщину, он лишает местных их привилегии — возможности познакомиться с писателем на местной женщине, чтобы потом неторопливо обсуждать мужские достоинства писателя до приезда следующего лектора. Продолжительность интервала между поездками обыкновенно зависит от состояния бюджета департамента и жизненной энергии его главы.

Проводив гостей, по приглашению профессорши они разделились (профессорша первая) и спустились в джакузи. Профессорша принесла бутылку шампанского, бокалы, и они выпили в пару, сидя на горячих волнах. Там, в джакузи, писатель впервые услышал рык зверя. И зверь рычал на него.

Выпив шампанского и еще водки, Наташка вдруг вынырнула из клубов пара и, прервав дружескую похвальную речь профессорши, обращенную к гостю (в речи подчеркивались еще раз достоинства писателя), сказала хрипло:

— Все думают, читая его книги, что он хуй знает какой распрекрасный мужчина. Ха-ха, на деле же это... не так! — Издевательски выделив «ха-ха» и «не так», подлая скрылась в клубах пара и захохотала.

Писатель от неожиданности даже соскользнул с одной склизкой ступени под водой на другую — ниже и хлебнул большую порцию горячей воды. Так вдруг унижить его мужское достоинство перед другой женщиной... Как можно!

Профессорша, по возрасту Наташка годилась ей в дочери, помолчав, сказала серьезно:

— Вы не должны так говорить о человеке, которого, как я понимаю, вы любите, Наташа... — И направила разговор на соседствующую, но уже другую дорогу, заметив: — Посмотрите, какое у Эдуарда красивое тело...

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru